

Антрапонімы, у аснове якіх назва чалавека, што меле збожжа ў млыне, надзвычай частотныя ў Лёзненскім, Шумілінскім і Чашніцкім раёнах (2, с. 235). Сярод іх прэвалююць прозвішчы, матываваныя апелятывам *пруднік*, а ўтварэнні ад *мельнік* сустракаюцца рэдка (на Лёзненшчыне антрапонімы ад *мельнік* не адзначаны ўвогуле). На астатняй тэрыторыі Віцебшчыны адзінкі, у аснове якіх назва млынара, сустракаюцца нячаста, а ў Расонскім, Браслаўскім і Шаркоўшчынскім раёнах увогуле не зафіксаваны. Заўважым, што тэрыторыя, дзе сёння ўжываюцца варыянты *пруднік* і *мельнік*, амаль супадае з рэгіёнамі, на якіх распаўсюджаны прозвішчы, утвораныя ад гэтых апелятываў [1, карта № 213].

Асновы прозвішчаў жыхароў Віцебшчыны фіксуюць яшчэ два варыянты назвы млынара – *прудняк* і *мукамол*, якія, мяркуючы па даных “Лексічнага атласа...”, не ўжываюцца сёння на тэрыторыі Беларусі. Антрапонімы ж “закансервавалі” ў сваім складзе адзначаныя варыянты: на Лёзненшчыне гэта прозвішча *Пруднячэнка*, на Шуміліншчыне – *Пруднячэнка*, *Мукамалаў*.

Такім чынам, у працэсе даследавання лінгвагеаграфічных асаблівасцей прозвішчаў, якія паходзяць ад апелятываў, што з’яўляюцца назвамі прафесій і роду заняткаў, выяўлена наступнае: 1) не заўсёды тэрыторыя бытавання антрапонімаў, матываваных канкрэтным апелятывам, супадае з арэалам, дзе гэты апелятыў сёння ўжываецца; 2) супастаўленне вынікаў нашага даследавання з данымі “Лексічнага атласа беларускіх народных гаворак” паказала, што пры ўтварэнні прозвішчаў выкарыстана значна больш варыянтаў назвы прадстаўніка пэўнай прафесіі, чым сёння ўжываецца ў мове жыхароў. Прычыны такой з’явы могуць быць наступнымі: а) варыянт назвы страчаны сучаснай мовай, а захаваўся толькі ў прозвішчах; б) прозвішча было ўтворана на іншай тэрыторыі, а на даследаваную трапіла ў працэсе перасялення яго носьбіта. Прыведзенае тлумачэнне ў большай ступені можа быць прыменена да тлумачэння адзінкавых антрапонімаў, якія фіксуюцца на Віцебшчыне адзін-два разы.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: У 5 т. / пад рэд. Ю.Ф.Мацкевіч. – Т. 3: Чалавек. – Мінск, 1996.
2. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць: манаграфія / Г.М. Мезенка, В.М. Ляшкевіч, Г.К. Семянькова. – Віцебск: Выдавецтва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2006. – 238 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА: СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРИГРАНИЧНАЯ СПЕЦИФИКА

М.А. Слемнев
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Цель статьи – раскрыть структуру социокультурной среды и выявить ее специфику в белорусско-российском приграничье.

Ключевые слова: социокультурная среда, социокультурная реальность, приграничье, белорусско-российское приграничье, трансграничный человек.

Разобраться в ценностных ориентациях и поведении отдельных индивидов и социальных общностей различного типа без выяснения особенностей их социокультурного хронотопа невозможно. Учет таких особенностей крайне необходим при проведении внутренней региональной политики и развитии приграничного сотрудничества со странами зарубежья.

Понятие «социокультурная среда» пока что не получило строгий научный статус. Помочь в этом может его сравнение с другим, родственным по смыслу – «социокультурная реальность». Оба они имеют общий конъюнктивный член – «социокультурное». Именно это подчеркивает их семантическую близость.

В концепте «социокультурное» обращено внимание на органическое единство социальной и культурной граней общества. Социальное указывает на природную обусловленность совместной человеческой активности, которая и как процесс, и как результат обладает над-биологической значимостью. Культурное – на искусственный характер способов, средств и результатов всех видов деятельности, поведения и общения людей как социальных существ. Известная триада «человек – общество – культура» выступает здесь в виде монолитной целостности.

Понятие «социокультурная реальность» является мировоззренческой универсалией. Ее назначение заключается, прежде всего, в том, чтобы обеспечить интегрально-схематическое видение социального бытия, дать его обобщенный абстрактно-понятийный образ. Можно сказать, что это философская категория предельно широкого субъект-объектного звучания. Поэтому всякие «попытки описать социокультурную реальность как таковую имеют смысл в рамках философии, но нецелесообразны в социальных науках» [1, с.163]. И думается, что не только нецелесообразны, но и вряд ли осуществимы.

В социогуманитарном дискурсе актуализируется другое понятие – «социокультурная среда». Масштаб и сфера его действия несколько скромнее, чем у родственного с ним. Оно является более конкретным, заземленным, привязанным к непосредственному жизненному миру человека, к природным, социальным и культурным условиям его существования. Упомянутая ранее триада «человек – общество – культура» наполняется в данном случае «плотью» и «кровью».

Социокультурная среда не является однородным, гомогенным образованием. Как и любая качественная определенность, она имеет свои топологические границы. Они задаются, в первую очередь, разделяемыми людьми социальными символами, ценностями и нормами поведения и общения. В итоге появляется множество локализованных социокультурных пространств, каждое из которых очерчивает контуры социокультурного окружения человека. За их пределами вместо привычных «Мы» и «Свои» живут уже «Они» и «Чужие» с соответствующей степенью ментального, языкового, ценностно-ориентированного и других видов социокультурного удаления друг от друга.

Социокультурная среда и в малых, и в больших локусах структурирована. При системном подходе в ней можно выделить два взаимосвязанных уровня организации: обыденный, повседневный и специализированный, институциональный [1, с. 171-175]. Первый можно условно назвать эмпирическим, второй – теоретическим. В самом общем виде первый, базовый уровень представляет собой совокупность социокультурных форм, фундируемых непосредственными переживаниями и контактами людей в сфере межличностных отношений при удовлетворении их жизненных потребностей и субъективных желаний. Здесь люди действуют по большей части автоматически, не подвергая рефлексивному осмыслению свой жизненный мир. Решающую роль в организации их жизнедеятельности играют устоявшиеся традиции, которые воспроизводятся в каждом новом поколении благодаря коллективному бессознательному, социальной памяти и коду национальной культуры.

Специализированный, институциональный, рефлексивный уровень социокультурной среды призван организовать на основе специальных категориально-понятийных матриц хозяйственно-экономическую, политическую, религиозную, научную, технико-технологическую и другие виды совместной жизнедеятельности с учетом внутренних проблем социума и внешних цивилизационных вызовов.

На социетальные структуры общества возложен ряд функций, важнейшими из

которых являются жизнеобеспечивающая, интегрирующая, дифференцирующая и регулирующая. Их поочередно выполняют экономика, духовная культура, социальные институты и властно-политическая система. Каждое социетально-функциональное образование пользуется своими специфическими средствами. «Для жизнеобеспечивающей структуры, – отмечает Н.И.Лапин, – главное такое средство – деньги; для интегрирующей структуры – ценностные ориентации, способы действий (технологий), образцы; для дифференцирующей структуры – социальные требования, нормы, престиж; для регулирующей структуры – власть, социальные программы» [2, с. 10].

В социокультурной среде нередко выделяют вещные, материальные и духовные, идеальные образования. Компонентами первого типа являются представители материальной культуры, техносферы. Предметы материальной культуры играют двоякую роль. Во-первых, они служат практическим целям и в таком качестве их можно считать социальными сущностями. А, во-вторых, являются феноменами культуры, особыми текстами, которые хранят и транслируют социально-значимую информацию. Органическое соединение социального и культурного в «искусственной природе» очевидно.

К компонентам второго типа обычно относят традиции, образцы деятельности и поведения, верования, нормы и идеалы, социальные ценности и др. Если воспользоваться известной марксистской терминологией, это все то, что присутствует на различных уровнях общественного сознания, которое не только зависит от общественного бытия, но в силу своего креативного характера в определенном смысле творит его и регулирует историческую динамику.

Значительный интерес представляет структурирование социальной среды путем выделения в ней следующих системных блоков: а) одухотворенная материя (трудовая, демографическая, экологическая культура); б) духовная культура (языковая, образовательная, этносоциальная и конфессиональная); в) культура регионального управления (экономическая, политическая, правовая, идеологическая) [3, с. 5-12].

Практически в каждой стране можно отыскать относительно автономные социокультурные комплексы. По крайней мере, они отчетливо просматриваются в регионах, непосредственно примыкающих к государственной границе. Ее историческая подвижность и длительные культурные диффузии приводят к возникновению буферного социокультурного пространства, в котором живет «трансграничный человек» как особый культурно-антропологический тип. На его этнопсихологический, духовно-нравственный и, в целом, социокультурный облик влияют история взаимоотношения народов, которая откладывается в их социальной памяти, разделяющая их языковая дистанция, менталитет, религиозная вера, степень прозрачности административных границ в прошлом и настоящем и др. Но при любых обстоятельствах люди приграничья острее других ощущают экономическое, идеологическое и культурное дыхание сопредельной стороны.

Белорусско-российский феномен «приграничного соседства» имеет свою специфику. Государственная граница между Беларусью и Россией в ее нынешнем виде может быть лишь с известной долей условности названа таковой. К ней более подходит проникшее в современный социогуманитарный лексикон английское слово «фронтир», которое в свободном переводе означает «мост», «ворота», «контактная область». В отличие от классической границы «фронтир» является зоной комплементарного взаимодействия во многом схожих политических, экономических и социокультурных практик. Как результат, белорусско-российский «трансграничный человек», несмотря на образование после распада СССР двух суверенных государств, оказался, а, точнее говоря, остался «психологически, социокультурно, этноконфессионально, лингвистически в равной степени адаптирован к Белоруссии и России» [4, с. 134]. В равной сте-

пени – возможно сильно сказано, но что хорошо приспособлены – это несомненно.

Постепенному формированию такой адаптированности способствовало сложное переплетение исторических судеб родственных народов и мобильность разделяющих их административных границ. Взять, к примеру, северный белорусско-русский приграничный регион, который образуют Псковская и Витебская области. Границы между ними часто менялись. Последняя радикальная перестройка произошла в 1924 году, когда территория Псковской губернии была увеличена за счет присоединения трех уездов Витебской губернии: Себежского, Невельского и Велижского.

Включение белорусского населения в русскую социокультурную среду не изменило его конфессиональную принадлежность (здесь доминировало православие), но со временем сказалось на этническом составе и языковой культуре. Так сегодня, например, в Себежском районе только каждый десятый из опрошенных отметил, что может хорошо говорить по-белорусски, еще 8% - не совсем свободно, 19% - в целом понимают язык, но не все слова. При этом 10% респондентов Псковского региона сообщили, что имеют белорусские этнические корни (скорее всего их больше, только не знают об этом). На наличие ближних и дальних родственников в Беларуси указало 18%, а друзей и хороших знакомых – 27%. Иными словами, тесные родственно-дружеские связи с жителями соседней страны поддерживают 45% [5, с. 235-249].

Примерно такая же ситуация сложилась в Смоленско-Витебском приграничном регионе. В 1859 году семь западных уездов Смоленской губернии, включая и Смоленский, были почти полностью белорусскими по своему этническому составу. Доля белорусского и смешанного белорусско-русского населения в них превышала 90%. Согласно переписи 1897 года сохранился лишь один, преимущественно белорусский уезд, Краснинский. В остальных доля русского населения уже превысила 90% [5]. Сегодня этот процент характеризует практически все белорусское приграничье Смоленщины. Оно в принципе не отличается от Псковского и по количеству родственно-дружеских связей с жителями сопряженной белорусской территории, и по знанию белорусского языка, и по доминированию православия. Что касается белорусской стороны, то русским языком здесь в той или иной мере совершенства владеют все. И хотя 80% опрошенных жителей белорусско-русского приграничья назвали белорусский язык родным, в быту, общении с друзьями и на работе они обычно пользуются русским языком. Поэтому для перевода билингвизма, законодательно оформленного 20 лет назад, в практическую плоскость необходимо усиливать его белорусскую составляющую, прежде всего, с помощью системы образования и культуры. Следует также помнить о том, что реальное двуязычие в приграничье (да и не только в нем) весьма далеко от литературной нормы. Оно особенно в сельской местности часто имеет вид известной белорусской «грасянки».

Этноязыковое родство населения, его принадлежность к православно-славянскому миру, множество смешанных браков, схожие традиции, образ жизни и стиль поведения дают возможность «бикультурному», «андрогинному» человеку белорусско-русского приграничья свободно осуществлять свою жизнедеятельность в современной «стыковой» социокультурной среде, а при пересечении границы «чувствовать себя как дома» (Э.Парк).

Ярким проявлением подобной социокультурной раздвоенности может служить следующий факт. Удельный вес белорусов в Витебской области составляет примерно 85%, русских – 12%. Социологические исследования показали, что около 40% респондентов-русских отождествляют себя с белорусским народом. Как отмечает И.Я. Левяш, это свидетельствует о существовании процессов, противоположных русификации-белорусизации русского населения. Русские, живущие в Беларуси, не просто демонстрируют «лояльность и близость к белорусскому народу, но и общую с ним

социокультурную самоидентификацию» [3, с.10].

Не ощущают себя маргиналами и белорусы, которые постоянно или временно проживают в российско-белорусском приграничье. И не только потому, что они попадают в привычную для них социокультурную среду. Очень важно и сложившееся здесь общественное мнение о белорусах. Российские социологи установили, что «образ белоруса в представлении всех респондентов носит исключительно положительный характер, ни одна из выборок не включила в число модальных характеристик белоруса каких бы то ни было недостатков» [6, с.58].

Безусловно, традиционная оппозиция «Мы - Они» в белорусско-российском приграничье имеет место. Но она не носит конфронтационного характера и, тем более, не является жесткой демаркационной линией социопсихологического, религиозного и языкового отчуждения. Все это является хорошей основой для развития и углубления интеграционных процессов в белорусско-российском приграничном регионе.

Следует, однако, иметь в виду, что достаточно продолжительное нахождение братских народов в различных политических, правовых и идеологических полях, известная разнокачественность экономических укладов не смогли не повлиять на сознание людей, особенно молодежи, которая прошла социализацию после распада СССР уже в разных государствах. Очагов приграничного межнационального напряжения сегодня не наблюдается. Но полностью исключать возможность их возникновения нельзя. Этому, в частности, способствуют, так называемые, газовые, нефтяные и продуктовые «войны», предвзятые оценки в одиозных СМИ внутренней и внешней политики двух государств. Нельзя забывать и о том, что в кризисные времена, когда становится неуютно жить в настоящем, виновников всех бед нередко ищут в историческом прошлом, акцентируя при этом внимание на далеко не лучших страницах взаимоотношений народов и государств. А при желании их всегда можно найти в любой стране. Активисты же радикальных национальных движений, которые стоят на страже своих этнических рубежей, охраняя их чистоту от внешних заимствований, в такие моменты способны нарушить устоявшееся национальное согласие. Можно надеяться, что белорусско-российским отношениям такое вряд ли грозит. Тем не менее, процессы, происходящие в социокультурной среде приграничья, нуждаются в тщательном изучении, отслеживании динамики, и, при необходимости, аккуратной корректировке.

Список использованной литературы:

1. Орлова, Э.А. Социокультурная реальность: к определению понятия / Э.А.Орлова // Вопросы социальной теории. – 2008. т. II, вып. 1(2). – С.161-175.
2. Лапин, Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры / Н.И.Лапин // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – с.3–12.
3. Левяш, И.Я. Теоретические вопросы регионологии / И.Я.Левяш // Псковский регионологический журнал. – 2015, № 22.– С. 3-17.
4. Востриков, С.В. Парадоксы национального восприятия в условиях приграничья: исторические особенности развития этноэволюционных процессов / С.В. Востриков // Образы России и Беларуси в контексте приграничья – Смоленск: Изд-во СмолГУ. – 2013. – 236 с.
5. Манаков, А.Г. Историко-культурная детерминация и социокультурная специфика белорусско-российского приграничья (на примере Псковского региона) / А.Г.Манаков // И.Я Левяш [и др.]; под научной ред. И.Я.Левяша. – Изд-во СмолГУ– 2012.– С. 235-249.
6. Сикевич, З.В. Русские, украинцы, белорусы: вместе или врозь? / З.В.Сикевич // Социологические исследования. – 2007, № 9 – С.59-69.